

Шостаковича Барнс пропустил. Возможно, это жанровые ограничения, а, может, табуирование в английской литературе темы Победы нашего народа в Великой Отечественной войне. Насколько это было преднамеренным, сказать трудно.

Литература

1. Волков, Соломон. Свидетельство. Воспоминания Дмитрия Шостаковича [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [http:// modernproblems. org. ru > memo/148-shostakovich1.html](http://modernproblems.org.ru/memo/148-shostakovich1.html). – Дата доступа: 20.01.2024.
2. Письма к другу: Письма Д.Д. Шостаковича к И.Д. Гликману / сост. и комментарии И.Д. Гликмана. М.: Композитор, 1993. – 323с.
3. Barnes, Julian. *The Noise of Time* // Julian Barnes. – London: Vintage, 2016. – 184 p.
4. Третьякова, Л.С. Композитор Дмитрий Шостакович [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [opentextnn. ru > music/ personalia /Shostakovich-d-d](http://opentextnn.ru/music/personalia/Shostakovich-d-d). – Дата доступа: 15.02.2024.

N.N. Konopleva

Saratov National Research State University named after N.G. Chernishevsky
e-mail: ninadurinova@yandex.ru

The ‘Image’ of Dmitri Shostakovich in Julian Barnes’ Novel ‘The Noise of Time’

Key words: Barnes, dystopia, Shostakovich, power, ‘image’.

The article considers how the novel “The Noise of Time” by the English writer Julian Barnes reflects the life and creativity of Dmitry Shostakovich, the greatest XX-century composer. The writer’s attention is drawn to the relationship of the composer with the power. In this way the novel thematically and in the interpretation of the ‘image’ is close to the genre of dystopia which looks at the power as a means of the repression of the personality in an individual.

В.Э. Конторов

Полоцкий государственный университет имени Евфросинии Полоцкой
e-mail: v.kontorov@psu.by

УДК 821.11(73)

НРАВСТВЕННЫЙ МИР ПОВЕСТИ У. ФОЛКНЕРА «МЕДВЕДЬ»

Ключевые слова: американская литература, аксиология, нравственный мир, ценностная ориентация, идея.

В статье исследуется нравственный мир повести У. Фолкнера «Медведь». На основании интерпретации фабулы и образно-мотивной структуры текста характеризуется влияние трансценденталистских и христианских идей на ценностную ориентацию произведения. Заключается, что писательское внимание сконцентрировано на художественном изображении нравственного становления личности в конкретно-историческом и вневременном (мифологическом) контекстах.

Литературоведческое понятие «нравственный мир» было предложено Д.С. Лихачевым. По словам ученого, художественный мир произведений обладает нравственной стороной, которая «имеет, как и все остальное в этом мире, непосредственное «конструирующее» значение» [5, с. 78]. Г.А. Белая наделила выражение, использованное академиком, терминологической точностью: «Нравственный мир – это система этических ценностей, существующих в произведении и реализующих себя в этических оценках мира, принадлежащих художнику и его персонажам; в его представлениях о нравственной норме и ее связи со временем; в его воззрениях на этико-психологическую структуру человека; в его модели должного и сущего в человеческом поведении; в социально-классовой расстановке нравственных акцентов» [2].

Исследование творчества У. Фолкнера (*William Cuthbert Faulkner*, 1897–1962), лауреата Нобелевской премии 1949 года, видится перспективным в плане определения ценностных тенденций в литературном процессе США первой половины XX в. В романах и малой прозе писателя затрагивается широкий спектр нравственных проблем, будь то вопросы семьи, нации, расы, оценки исторических событий, выбора между старым и новым укладами жизни, а также индивидуального бытия человека. Примером произведения, где художественно изображаются обозначенные темы, является повесть «Медведь» (*The Bear*, 1942), где «на относительно небольшом повествовательном пространстве сгустились идеи и образы, выражающие нравственное кредо художника» [1, с. 266]. Художественный текст существует в нескольких редакциях. Одна из них представляет собой идейное ядро сборника «Сойди, Моисей» (*Go Down, Moses*, 1942), посвященного истории семьи южных аристократов Маккаслинов, и включает в себя пять частей. Другой вариант, с изъятой четвертой главой, был напечатан в журнале *Saturday Evening Post* в том же году. В настоящей статье анализируется полный вариант текста, ведь работа с ним позволит в большей мере раскрыть идейное своеобразие повести с точки зрения ее ценностной ориентации. Впрочем, упомянутая глава произведения будет рассмотрена отдельно, т.к. она несколько выбивается тематически и отчасти идейно из всей истории.

В центре повествования находится фигура Айзека Маккаслина, предстающего перед читателем сначала мальчиком, затем юношей, и наконец, мужчиной. Жизнеописание героя подается не в хронологическом порядке, с явным несоответствием между сюжетом и фабулой, что характерно для творческого метода Фолкнера, и скорее выглядит как рассказ о событиях, сформировавших систему ценностей Айзека.

Другая особенность повести – редкое упоминание имени центрального героя произведения. Зачастую он именуется мальчиком, или просто используется местоимение «он». По всей видимости, писательское желание обезличить персонажа, объясняется следующими словами автора: «Это вещь символическая. Это история не только мальчика, но каждого человеческого

существа, которое вырастает, чтобы соревноваться с землей, с миром. Медведь представляет собой не зло, а процесс устаревания... Мальчик узнает от этого медведя не о медведях, – он узнает о мире, о человеке» [3, с. 266]. Фолкнер писал не только о представителе той части южной аристократии, что сумела пережить Гражданскую войну 1861–1865 гг., но о человеке, столкнувшемся с бременем прошлого, что, в свою очередь, является одной из центральных тем, затронутых в «йокнапатофской саге».

Первые три части повести посвящены охоте на медведя, названного местными жителями Старым Беном. Кроме Айзека, героями произведения выступают его троюродный племянник Маккаслин Эдмондс, генерал Компсон, майор де Спейн, охотник Уолтер Юэлл, а также бывшие рабы и их потомки, по большей части имеющие смешанное происхождение и прислуживающие семьям южных аристократов.

В идейном плане событийный ряд этих глав можно интерпретировать как обряд инициации, проводимый для Айзека его «духовным наставником» Сэмом Фазерсом, в котором преобладает кровь индейцев. Обучение главного героя начинается с первой охотничьей вылазки в лес (мальчику на тот момент исполнилось 10 лет) и заканчивается смертью медведя (юноше уже около 16 лет). Пребывание в лесу играет важную роль в формировании системы ценностей Айзека, и у десятилетнего героя при посещении леса появляются мысли о рождении заново. Ритуальный характер охоты, которая сравнивается с ежегодным празднеством, упоминается с первых страниц повести, а во второй части произведения описывается эпизод, говорящий о сакральном смысле обучения Айзека. Так, Сэм мажет лицо мальчика кровью, после того как последний в шестнадцатилетнем возрасте убил первого оленя. Наконец, Фолкнер характеризует нахождение Айзека в лесу следующим образом: «Сэм Фазерс был с первых лет его наставником, а приготовительными классами – зайцы и белки опушек, то чаща, обиталище старого медведя, стала его университетом, а медведь этот, издавна одинокий и бездетный, точно сам себя бесполо породивший, – его *alma mater*» (*If Sam Fathers had been his mentor and the backyard rabbits and squirrels his kindergarten, then the wilderness the old bear ran was his college and the old male bear itself, so long unwifed and childless as to have become its own ungendered progenitor, was bis alma mater*) [6, с. 307; 7, р. 266].

В воображении повзрослевшего Айзека фигура учителя сравнивается с патрицием, т.е. древнеримским аристократом, а Бун, в чьих жилах также течет кровь коренного населения США, пусть и в меньшем количестве, зовется ловчим. Здесь нельзя не указать на антитезу между, по всей видимости, мнимой южной аристократией и родовой знатью коренных народов США. Основываясь на этом наблюдении, можно указать на наличие в нравственном мире произведения еще двух антитез: природа и цивилизация, духовное и материальное в мировоззрении человека.

Примечателен эпизод первой встречи Айзека один на один со Старым Беном. Мальчик, вспоминая слова Сэма, оставляет ружье, компас и часы, словом, символы цивилизации. Отказ от последних двух предметов можно связать с символическим возвращением в некое первоначальное (мифологическое) время и пространство, еще не размеченное и не разделенное человеком на части.

Столкнувшись со Старым Беном несколько раз, Айзек преодолевает первобытный страх, обретает мужество и познает истину, связанную с силами высшего порядка, впрочем, трудновыразимую для самого героя.

Образный ряд произведения отличается символичностью, что заметно, в том числе, на уровне системы персонажей. Кроме Айзека, юноши, становящегося мужчиной, выделяются фигуры потомка индейцев Сэма Фазерса, старого медведя, а также пса по кличке Лев. Уже в первом абзаце повести говорится об их исключительности: они «были без изъяна и порока» (*were taintless and incorruptible*) [6, с. 294; 7, р. 253]. Все трое обладают особой связью с природным миром. Повествователь называет медведя «анахронизмом из былых и мертвых времен, символом, сгустком, апофеозом старой дикой жизни» (*an anachronism indomitable and invincible out of an old dead time, a phantom, epitome and apotheosis of the old wild life*) [6, с. 296; 7, р. 254]. Животное является недостижимой целью для охотников и напоминает по своим функциям и значимости гения места. Образ медведя символизирует извечные силы мироздания, а также связывается в идейном плане с чувством подлинного страха, впервые испытанного Айзеком в лесу и противопоставляемого повествователем трусости. В обрисовке образа полудикого пса также обнаруживаются указания на его связь с силами природы. Сэм, Старый Бен и Лев умирают в результате охотничьей вылазки, описанной в третьей главе. Все трое похоронены в одном месте. Это художественное решение оттеняет взаимосвязь образов названных персонажей. Убийство Старого Бена, совершенное представителями цивилизации, символизирует разрушение мира, существовавшего на территории США до прихода европейцев.

В заключительной части повести Айзек вновь отправляется в лес спустя два года. В главе отчетливо заметен мотив наступления разрушающих сил цивилизации на старый, природный мир. Майор де Спейн, владелец леса, больше не посещает это место ради охоты, а напротив, продает его лесопромышленной компании. Юноша испытывает закономерное чувство грусти во время последней поездки на охоту.

Предположим, что время расцвета южной аристократии для имплицитного автора, а возможно, и Фолкнера как биографического лица, с нравственной точки зрения занимает промежуточное положение между доколонизаторской эпохой и приходом порядков Нового Юга (реформация побежденных Конфедеративных Штатов Америки по образцу северных регионов страны).

В финале произведения, Айзек посещает могилы Сэма, Старого Бена и Льва. Повествователь описывает мировоззрение и эмоции юноши в этот момент: «...ни Сэм, ни Лев не мертвы, не скованно почивают они под землей, а свободно движутся в ней, с ней, входя неисчислимо дробной, но непогибшей частицей в лист и ветку, присутствуя в воздухе и солнце, в дожде и росе, в желуде, дубе и снова желуде, в рассвете, закате и снова рассвете, бессмертные и целостные в своей неисчислимости и дробности – и Старый Бен, Старый Бен тоже! Они вернут ему лапу, непременно вернут – и снова бросят вызов, и долгой будет охота, но ни сердца рвущегося, ни тела израненного...» (*no abode of the dead because there was no death, not Lion and not Sam: not held fast in earth but free in earth and not in earth but of earth, myriad yet undiffused of every myriad part, leaf and twig and particle, air and sun and rain and dew and night, acorn oak and leaf and acorn again, dark and dawn and dark and dawn again in their immutable progression and, being myriad, one: and Old Ben too, Old Ben too; they would give him his paw back even, certainly they would give him his paw back: then the long challenge and the long chase, no heart to be driven and outraged, no flesh to be mauled and bled*) [6, с. 395; 7, р. 350]. В приведенных мыслях Айзека прослеживается идеи о цикличности, духовном бессмертии, а также единстве и взаимообусловленности живого, природного мира, частью которого стали умершие.

О.В. Кулешова видит влияние идей трансцендентализма на содержание «Медведя»: «Фолкнер вслед за Торо полагает, что человек – частица природного мира, однако наделенная разумом Творца и свободой творчества. Главный признак этой свободы – свобода выбора собственного жизненного пути. Мудрость человеческая заключается в способности осознания своего места в мире, осознания бренности и недолговечности человеческого существования и в подчинении вечным законам всемогущей природы, а не преходящим законам цивилизации» [4, с. 18–19]. По мнению А. Вуда, духовное становление Айзека нельзя назвать идеализированным, ведь герой считает, что возврат к старому, природному укладу жизни невозможен в силу социальных факторов [9].

Если в первых трех и пятой главах Фолкнер изображает нравственный мир произведения скорее в духе с романтиков-трансценденталистов, то в четвертой части повести прозаик обращается к библейским представлениям о должном.

Четвертая глава произведения начинается с диалога Айзека со своим троюродным племянником Маккаслином Эдмондсом. В разговоре юноша, которому к указанному моменту исполнился 21 год (возраст совершеннолетия), пытается объяснить родственнику, в пользу которого он отказывается от своих прав на наследство, причину этого поступка. По убеждению главного героя, человек не имеет права владеть землей. Ей не владели не только его отец Теофил и дядя Амодей, но и дед Карозерс Маккаслин, основатель рода, купивший участок у Иккемотуббе, вождя местного племени

и по совместительству отца Сэма Фазерса. Причем Фолкнер пишет, что индеец узнал о возможности продажи земли от белых колонизаторов, которые тем самым наложили «проклятие» на Эдемский сад, посланный им богом и упоминающийся Айзеком в ходе своих рассуждений.

В словах юноши присутствует явная аллюзия на Книгу Бытия: «Потому что Он (бог – В.Э.) поведал в Книге, как Он создал землю, сотворил ее и, поглядев, сказал, что это хорошо, и создал затем человека. Создал прежде землю и населил бессловесною тварью, а затем сотворил человека, чтобы поставить его смотрителем земли, сюзереном земли и животных от имени Его – не во владенье нерушимо-вечное, не прямоугольниками и квадратами участков давал землю человеку и потомкам его, а в пользование дружное и целостное всей безымянною общностью братства; в уплату же хотел Он всего-навсего состраданье, смирение, терпение и стойкость и добыванье хлеба в поте лица» (*He told in the Book how He created the earth, made it and looked at it and said it was all right, and then He made man. He made the earth first and peopled it with dumb creatures, and then He created man to be His overseer on the earth and to hold suzerainty over the earth and the animals on it in His name, not to hold for himself and his descendants inviolable title forever, generation after generation, to the oblongs and squares of the earth, but to hold the earth mutual and intact in the communal anonymity of brotherhood, and all the fee He asked was pity and humility and sufferance and endurance and the sweat of his face for bread*) [6, с. 340; 7, р. 299–300]. Отрывок выше примечателен перечислением благодетелей, играющих определяющую роль для главного героя. Согласно Айзеку, Священное писание следует истолковывать не разумом, но сердцем. Предположим также, что в истории отречения от наследства заметна рационализация последнего Маккаслина по мужской линии желания освободиться от наносных, мнимых ценностей (прежде всего, материальных), привнесенных цивилизацией, которое главный герой испытывал после прохождения обряда инициации в лесу.

Айзек видит противоречия между своим истолкованием Библии и рабовладением, характерным для традиционного уклада жизни на Юге, и даже после отмены во многом определяющим положение дел в этой части США. В словах юноши четко выражено сочувствие расе бывших невольников: «...они выстоят. Они лучше нас. Сильнее нас. Их пороки скопированы, собезьянничаны с белых или привиты белыми и рабством...» (*they will endure. They are better than we are. Stronger than we are. Their vices are vices aped from white men or that white men and bondage have taught them*) [6, с. 369; 7, р. 326]. Здесь нельзя не указать на пересечения слов Айзека с нобелевской речью Фолкнера, заявившего о вере в то, что «человек не только выстоит, он победит» (*man will not merely endure: he will prevail*) [7, р. 4].

Отрекшись от наследства, Айзек работает живет в небольшой комнате и работает плотником. Юноша делает это не из подражания Христу, а потому что считает это занятие достойным, раз его выбрал библейский персонаж.

Тем самым главный герой следует нравственным императивам, обозначенным в разговоре с Маккаслином. Согласно Г.Э. Спайви, «для Фолкнера искупление приходит через признание вины и принятие страданий, а не по божественной милости» (*To Faulkner, redemption comes from guilt acknowledged and suffering accepted, not through divine grace*) [8, p. 498].

Решение Айзека проблематично трактовать как продуктивное. Автор пишет, что герой женится, однако «все же лес будет ему единственной женой и любовницей» (*the woods would be his mistress and his wife*) [6, с. 394; 7, p. 349]. Айзек не продолжит род Маккаслинов по основной линии. Между тем в тексте еще несколько раз встречается мотив бездетности: Сэм не оставляет потомков, равно как и метафорически бездетный Старый Бен. Тем самым протагонист соотносит себя с эпохой, которая начала уходить еще до поражения южан в войне. Для прозы Фолкнера характерны образы персонажей, видящих свое будущее и (или) настоящее в прошлом, будь то Квентин Компсон, Адди Бандрен, Джо Кристмас либо Эмили Грирсон. В контексте рассмотрения нравственного мира повести «Медведь» нам близко мнение А. Вуда, по словам которого, «возврат к более «примитивному» способу существования – недостижимый идеал, поэтому основная мысль заключается не в идее физического регресса, но в гораздо более достижимой концепции морального прогресса» (*the reversion back to a more “primitive” way of existence is an impossible ideal to achieve, thus the argument moves from the realm of it being a physical regression to the much more conceivable notion of a progression of morals*) [9].

Таким образом, в основе нравственного мира повести У. Фолкнера «Медведь» лежит художественное изображение становления личности в условиях изменившейся исторической реальности. Среди моральных проблем, затронутых в произведении, можно выделить универсальные (поиск наиболее справедливого набора прав и свобод человека, разрушение естественного природного мира под натиском цивилизации, оценка событий прошлого) и частные/конкретно-исторические (вопросы расы, наследие рабства, положение Юга после поражения в Гражданской войне 1861–1865 гг.). Особенности ценностного содержания повести раскрываются как эксплицитно в диалогах персонажей либо словах повествователя, так и с помощью использования образов-символов (медведь, пес и пр.), а также ряда мотивов, прежде всего, инициации.

Литература

1. Анастасьев, Н.А. Владелец Йокнапатофы (Уильям Фолкнер) / А. Анастасьев; предисл. Н. Полка. – М.: Книга, 1991. – 414 с.
2. Белая, Г. Нравственный мир художественного произведения [Электронный ресурс] / Г. Белая. – Режим доступа: <https://voplit.ru/article/nravstvennyj-mir-hudozhestvennogo-proizvedeniya/>. – Дата доступа: 24.06.2016.
3. Грибанов, Б.Т. Фолкнер / Б.Т. Грибанов. – М.: Молодая гвардия, 1976. – 352 с.
4. Кулешова, О.В. Человек, время, пространство в романах Уильяма Фолкнера: Аналитический обзор / О.В. Кулешова; отв. ред. И.Л. Галинская. – М.: ИНИОН РАН, 2007. – 96 с.

5. Лихачев, Д.С. Внутренний мир художественного произведения / Д.С. Лихачев // Вопросы литературы. – 1968. – № 8. – С. 74–87.

6. Фолкнер, У. Собрание сочинений. В 6 т. / У. Фолкнер; редкол. Б. Грибанов, П. Палиевский, А. Сахаров. – М.: Художественная литература, 1986. – Т. 3: Непобежденные, Сойди, Моисей, Осквернитель праха. – 656 с.

7. Faulkner, W. The Faulkner Reader: Selections from the Works of William Faulkner / W. Faulkner. – New York: Random House, 1954. – xi, 682 p.

8. Spivey, E.H. Faulkner and the Adamic Myth: Faulkner's Moral Vision / E.H. Spivey. // *Modern Fiction Studies*. – 1974 – Vol. 19, No. 4. – P. 497–505.

9. Wood, A. The Ethics of the Natural World: An Anarcho-Primitivist Synthesis of William Faulkner's "The Bear" [Electronic resource] / A. Wood. – Mode of access: <https://theanarchistlibrary.org/library/alden-wood-the-ethics-of-the-natural-world-an-anarcho-primitivist-synthesis-of-william-faulkner>. – Date of access: 23.03.2024.

V.E. Kontarau

Euphrosyne Polotskaya State University of Polotsk

e-mail: v.kontarov@psu.by

The Moral World of William Faulkner's The Bear

Key words: American literature, axiology, moral world, value orientation, idea.

The article examines the moral world of William Faulkner's The Bear. Particular attention is given to the description of the influence of transcendentalist and Christian ideas on the value orientation of the work, based on the interpretation of the plot and the figurative-motivic structure of the text. It is shown that the writer's attention is focused on the artistic depiction of the moral development of the individual in specific historical and timeless (mythological) context.

Я.И. Красовская

Витебский государственный университет имени П.М. Машерова

e-mail: belyana17@mail.ru

УДК 821.161.1-191

АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ КОМПОНЕНТ ЗООМОРФНЫХ ОБРАЗОВ В БАСНЯХ И.А. КРЫЛОВА И Ж. ДЕ ЛАФОНТЕНА

Ключевые слова: басня, зооморфная метафора, образы животных, аллегория, эмоционально-оценочный компонент, национально-культурная специфика.

Аннотация. В статье рассматриваются особенности функционирования образов, основанных на зооморфной метафоре, в творчестве И.А. Крылова и Ж. де Лафонтена. Раскрываются универсальные и специфические особенности зооморфизмов и их эмоционально-оценочная коннотация. Сделаны выводы о значении национально-культурной специфики зооморфных образов в рамках лингвокультурного кода.